

скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Международная науч. конф. - Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1999. - С. 122-126.

25. Молодин В.И. Усть-Канская писаница // Наскальные рисунки Евразии: Первобытное искусство - Новосибирск: Наука, сиб. отд-е, 1992. - С. 91-93.

26. Елин В.Н., Некрасов В.А. Граффити с изображением охотников у с. Усть-Кан // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая - Горно-Алтайск: Изд-во ГАНИИЯЛИ, 1994. - С. 116-281.

27. Соёнов В.И., Суханов Г.П. Плита из Ини // Обозрение 1994-96 гг. - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. - С. 47-49.

28. Кубарев В.Д. Сюжеты охоты и войны в древне-турецких петроглифах Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии - 2001. - № 4 (8). - С. 95-107.

29. Окладникова Е.А. Ритуальные скульптуры животных из сыра кумандинских Алтай-кижи // Пластика и рисунки древних культур (Первобытное искусство) - Новосибирск: Наука, сиб. отд-е, 1983. - С. 161-173.

30. Окладников А.П., Запорожская В.Д. Ленские писаницы (наскальные рисунки у дер. Шишкино). - М.-Л: Наука, 1959. - 295 с.

31. Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. - Л.: Наука, 1971. - Т.2.-262 с.

32. Тиваненко А.В. Древнее наскальное искусство Бурятии. - Новосибирск: Наука: Сиб. отд., 1990. -208с.

33. Окладников А.П. Петроглифы Ангары. - М.-Л.: Наука, 1966. - 322 с.

34. Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Средней Лены. - Л.: Наука, 1972. - 272 с.

35. Окладников А.П., Мазин А.И. Писаницы реки Олёнки и Верхнего Приамурья. -Новосибирск: Наука, сиб отд-е, 1976. - 189 с.

36. Мазин А.И. Таёжные писаницы Приамурья. - Новосибирск: Наука, 1986. - 259 с.

37. Окладников А.П. Петроглифы Нижнего Амура. - Л.: Наука, 1971. - 219 с.

□ Авторы статьи:

Чигаева Виктория Юрьевна - аспирант кафедры археологии КемГУ	Золотухин Владимир Михайлович - канд. филос. наук, доц. каф. социологии, политических отношений и права
---	---

УДК 929:930.1(470)"194"

Е.В. Бадаев

РОЛЬ Н.И. КОНРАДА В РАЗВИТИИ СОВЕТСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ В 1940 – е ГОДЫ

Востоковед Николай Иосифович Конрад, снискав заслуженную известность у себя на родине и за рубежом, ныне равно не относится к числу ни «модных», чье имя у всех на слуху, ни забытых или замалчиваемых исторических фигур. Отношение к нему как к ученному и личности яркой и неординарной варьируется в диапазоне от восторженного преклонения до категорического неприятия. Наличие столь радикальных взглядов во многом обусловлено тем, что до сих пор существует множество неизученных лакун в научно-исследовательской деятельности Н.И. Конрада. Период 1940-х годов не стал исключением. Между тем данный период сыграл важную роль в становлении основных направлений научно-исследовательской деятельности ученого, оформлении четкой гражданской позиции и полного раскрытия его таланта в организации научной деятельности.

Осенью 1941 г. Н.И. Конрад, после нескольких лет заключения, вновь возвращается к научной деятельности. Казалось, что ученый будет отброшен на обочину научно-исследовательской и организационной деятельности, однако непростая

ситуация в самом востоковедении позволила избежать этого.

Отечественное востоковедение в 1940-х годов оказалось в критическом положении. Часть востоковедов погибла в результате репрессий конца 1930-х годов. Другие в ходе войны оказались разбросанными по всему Советскому Союзу. Положение ленинградских востоковедов, представителей классической (культурно-филологической) школы ориенталистики, было еще более сложным. Между ними и политическим руководством существовали коренные разногласия в понимании основных целей и задач их научной деятельности.

Политическое руководство страны требовало от востоковедов окончательного отказа от наследия буржуазной науки и выработки «своей оригинальной самостоятельной линии в области востоковедения». Причем перед востоковедами – филологами ставились задачи скорее просветительского плана, с опорой на переводческую деятельность.

Соглашаясь с необходимостью усиления переводческой деятельности, востоковеды выступили против превращения богатого культурного на-

следия стран Востока в простой пропагандистский материал. Основатель советской школы синологов В.М. Алексеев считал, что роль советского востоковеда не должна сводиться только к переводам и изданию материалов и не менее важным является и осмысление переведенного. [6, с.192].

Позиция В.М. Алексеева была поддержана Н.И. Конрадом. Ученый выступил против возрождающейся тенденции подчинения интересов науки лишь удовлетворению непосредственных запросов государства. Как указывал Н.И. Конрад, «это было бы недопустимым ограничением, сужением значения нашей работы и вообще нашей роли в нашем государстве». Истинная наука, с точки зрения ученого, «призвана не только отвечать на вопросы, но и ставить их, не только удовлетворять запросы, но и вызывать запросы» [8, с.201]. Этот призыв станет ведущим в научной и организационной деятельности ученого.

В 1942 г. Н.И. Конрад, назначенный заведующим кафедрой японского языка Московского института востоковедения, был эвакуирован в Фергану. В условиях отсутствияальной источниковой базы, когда, по словам самого ученого, доступна только газета, он смог проявить себя талантливым организатором и развернуть активную научную работу. Был собран небольшой коллектив из японоведов А.Е. Глускиной, Н.Г. Иваненко, В.Н. Марковой, тюрколога К.К. Юдахина, монголиста Г.Д. Санжеева. Удалось даже по настоянию Н.И. Конрада провести защиту кандидатской диссертации аспиранта В.М. Алексеева – Л.З. Эйдлина [2, с.276]. Однако в полной мере свою научно – организационную деятельность в 1940 – х годах Н.И. Конрад развернул в рамках Московской группы Института востоковедения Академии наук СССР (МГИВАН).

Во время войны часть ленинградских востоковедов переехала в Москву. Это были преимущественно филологи, которые по характеру своих интересов не могли примкнуть к историкам, занимавшимся современными проблемами в Институте истории или в Тихоокеанском институте. В их среде и появилась идея о создании некоего научно – исследовательского центра в Москве. Она нашла свою поддержку и у руководства АН СССР.

В 1943 г. группа была утверждена со статусом филиала ИВ АН СССР. Созданную группу возглавил академик И.Ю. Крачковский. МГИВАН должна была задавать основные вектора научной работы в Москве.

Научно – исследовательская деятельность МГИВАН должна была развиваться в нескольких направлениях: 1) изучение проблем влияния и взаимосвязей стран Европы и Востока; 2) разработка сравнительно – исторических исследований; 3) история отечественного востоковедения; 4) вопросы научной и философской мысли Востока.

В 1944 г., в связи с отъездом И.Ю. Крачковского, группу возглавил Н.И. Конрад. Он не толь-

ко поддержал уже сложившиеся направления исследований, но и расширил их тематику, чем придал новый мощный импульс деятельности группы.

Преобладание культурно–филологической тематики в работе МГИВАН ограничивало рамки участия в ней московских востоковедов, занимающихся проблемами социально–экономической истории. Н.И. Конрад, всегда выступавший за комплексное изучение проблем, уже в 1945 г. поднял вопрос о расширении состава группы специалистами, занимающимися проблемами социально–экономической истории. По его мнению, не менее важны и необходимы для изучения и вопросы, связанные с практическими интересами и задачами текущей общественно – политической жизни страны. В одном из писем к И.Ю. Крачковскому он утверждал, что «с точки зрения общих интересов Института востоковедения важно показать, что мы можем говорить в тонах настоящей науки и о новом Востоке» [2, с. 292].

Такая позиция Н.И. Конрада отразилась и на деятельности группы. Была предпринята попытка охватить весь комплекс проблем от культурно–филологических до социально–экономических, с древнейших времен до современности. Работа группы оказалась столь продуктивной, что уже в 1945 – 1946 гг. Н.И. Конрад выступил с инициативой проведения крупных научных сессий. Были проведены китайская, японская и индийская сессии. Эти мероприятия вызвали широкий резонанс среди научной общественности всего СССР. Помимо сессий проводились еженедельные заседания группы, позволявшие участникам группы и востоковедам Москвы знакомиться с результатами научных исследований друг друга и координировать направления исследовательской деятельности. Многие доклады будут опубликованы только в конце 1950 – 1960 – х годов и вызовут к жизни активные дискуссии, в которых примут участие востоковеды, историки, филологи, философы.

Поддержка Н.И. Конрадом широкого спектра исследовательской работы сделали из МГИВАН подлинный центр востоковедения в Москве. К началу 1950 г. в группе вместе с докторантами и аспирантами насчитывалось около 36 востоковедов.

В отличие от научно–организационной деятельности, где дела у Н.И. Конрада шли достаточно успешно, положение в научно–исследовательской сфере в этот период было сложное и неоднозначное. Основная масса опубликованных материалов ученого в 1940–х годах носила скорее прикладное, научно–методическое значение, чем научно–исследовательское, и имела узконаправленный характер. С одной стороны, наиболее масштабно издавались составленные им хрестоматии и учебные программы по изучению японского; с другой, несколько небольших статей по проблемам языкознания, на примере китайского и япон-

ского языков¹.

В этих публикациях заметна одна, совершенно новая для работ Н.И. Конрада, тенденция. Ученый заметно отходит от социологии, характерного для его работ конца 1920–1930 гг.

Уход от социологии способствовал и определенному изменению тематики исследований Н.И. Конрада. Его переписка, отзывы на кандидатские диссертации и переводы 1940–х годов отражают новый виток его интереса к истории религиозно–философской мысли Дальнего Востока. Это было вызвано несколькими причинами.

Во–первых, в стране фактически не было специалистов, работающих в этой области. Н.И. Конрад считал, что сохранение подобной ситуации может подорвать основы не только востоковедения как науки, но и отразиться на развитии исторической науки в целом. По его мнению, только изучение истории мысли на Востоке может раскрыть объективную «картину постепенного движения человека к подлинному познанию мира и общества, борьбы за это познание» [8, с.200–201].

При этом Н.И. Конрад указывал на необходимость кардинального пересмотра существующего отношения к памятникам религиозно – философской мысли, отказу от одностороннего рассмотрения их с позиций «религия – опиум для народа». На примере истории китайского буддизма он показывал, что это учение создавало не только идеологическую основу подчинения населения верховной власти Танской империи, но «в то же время тот же буддизм с его идеей всеобщего равенства питал и недовольства народных масс, толкавшее его на борьбу с правительством» [1].

Во–вторых, свою роль сыграл и зародившийся в начале XX века интерес Н.И. Конрада к проблемам так называемого «постылого ребуса бытия» [5, с. 300]. Разгадку этого «ребуса» ученый не мыслил без глубокого анализа структурных основ мировоззрения народов Востока. В одном из писем своему другу востоковеду Н.А. Невскому ученый особо подчеркивал, что после знакомства со спецификой мышления народов Дальнего Востока для него термины «миропонимание» и «востокопонимание» приобрели синонимическое значение [2, с. 252]. «Востокопонимание» не являлось для Н.И. Конрада самоцелью. Познания методологических основ восточной культуры, по мнению ученого, должно было сыграть важную роль в расширении гносеологических возможностей европейской, прежде всего гуманитарной, науки. Научно–исследовательская деятельность самого ученого в 1940 – 1960 – е годы находилась под влиянием идей, заложенных в основе китайской философского канона «И цзин» («Книга перемен»).

¹ К 1949 г. было опубликовано 6 программ по методике изучения японского языка и 4 хрестоматии, составленных Н.И. Конрадом.

Выбор не был случайным. «И цзин» был базовым произведением китайской канонической и философской литературы, оказавшим фундаментальное общеметодологическое и мировоззренческое воздействие на культуру Китая и стран Дальнего Востока и Юго–Восточной Азии.

Знакомство Н.И. Конрада с «И цзином» началось еще в 1920 – 1930 – е годы. Однако, подлинный «диалог» с «И цзином» произошел во время тюремного заключения ученого. Лишившись взаимодействия с научной средой, Н.И. Конрад смог сконцентрировать максимальное внимание на интересующих его проблемах. В итоге, отечественное востоковедение получило переводы двух основополагающих древнекитайских трактатов по военной стратегии: «Сунь–цзы» и «У–цзы»².

Приоритетной задачей при переводе было выявление внутренней системы взглядов авторов трактатов. При этом Н.И. Конрад указывал, что за этой системой скрывается определенное мировоззрение [3, с. 25]. По мнению ученого в трактате «Сунь–цзы» «ярче, чем в каком–либо другом древнем памятнике китайской мысли, дана теория овладения процессом изменений и превращений», отраженная в «И–цзине» [3, с. 270].

Первое на что обратил внимание ученый - название самой книги «И – цзин» - «Книга перемен». Перемены же – это жизнь в ее непрерывно идущих изменениях, что и отражено в 64 гексаграммах. При этом все 64 гексаграммы расположены не в случайному порядке. Они подчинены внутренней логике развития. Каждая гексаграмма, отмечает Н.И. Конрад, призвана обозначать определенную ситуацию, причем ситуацию не статическую, а динамическую. Таким образом, любая ситуация всегда представляет из себя нечто развивающееся и к чему – то приводящему.

Это признак, указывает ученый, действует и во взаимоотношениях между гексаграммами: каждая гексаграмма отталкивается от предыдущей и подходит к следующей. Это позволяет увидеть в общей динамике как развитие отдельной ситуации, так и ее место в общей системе бытия, в совокупности причинно–следственных связей [4, с.73–74].

Однако, такое восприятие мира доступно не каждому. Ученый особо подчеркивает, что Сунь У говорит о способности человека постичь путь мироздания, но результат зависит от уровня человеческого восприятия. Сунь У отмечает, что в процессе познания существенную роль играют элементы стабильного, постоянного, определенно формулированного, т.е. созданные правила и законы. Подобное восприятие мира, с точки зрения Сунь У, присуще большинству. Истинное же понимание – другое: «важно знать, что общие положения

² Оба трактата получили свои названия от имени двух выдающихся китайских полководцев и теоретиков военного искусства Сунь У и У–цзы.

жения, правила не существуют, как таковые; нет ничего стабильного, постоянного, определенно формулированного». Поэтому, указывает Сунь У, есть одно постоянное правило «стабильное заключено в текучем, постоянное в непостоянном» [3, с. 162].

По мнению Н.И. Конрада, уверенность Сунь У в том, что человек способен познать истинную природу законов развития бытия, базируется на одной из основополагающих идей «И – цзина»: человек есть один из основных структурообразующих факторов бытия.

«И – цзин», считает Н.И. Конрад, привнес в сознание китайцев аксиому того, что в мире существуют три действующих начала: Небо, Земля, Человек. При этом, указывая на неразрывное единство этих начал, в «И – цзине» подчеркивается сохранение каждым из них своей, присущей только им, специфики [3, с. 191].

Для Сунь У важнейшей чертой специфики человека является только ему присущая возможность познания, овладения и управления «процессом изменений и превращений». Сунь У, подчеркивает Н.И. Конрад, считает, что от природы любой человек, независимо от сферы своей деятельности, может овладеть этим. Однако реально этого достигают лишь те, кто развил в себя пять базовых качеств человека: ум, беспристрастность, гуманность, мужество, строгость. Тот, кто развил в себе гармоничное сочетание этих качеств и овладел процессом изменений и превращений, для Сунь У и в целом для китайцев того времени, указывает ученый, «называется божеством» [3, с. 271].

Работа над этими трактатами оказала существенное влияние на научно-исследовательский поиск Н.И. Конрада в 1950 - 1960 – х годах. В центре внимания ученого оказались проблемы глобальной истории, законы и смысл культурно-исторической эволюции человечества как единой суперсистемы, роли человека в истории. Многие идеи Н.И. Конрада данного периода созвучны положениям «И – цзина», что существенно отличало их от господствующих постулатов марксизма. Вероятно, поэтому его работы оказались в центре многих дискуссий нескольких десятилетий.

Интерес Н.И. Конрада к проблемам мировоззрения направил его внимание в 1940 – е годы на проблемы сравнительного языкоznания. По мнению Вяч. Вс. Иванова, работы Н.И. Конрада по

изучению взаимоотношений между китайскими и японскими, латинскими и японскими элементами в письменности и языке подвели ученого к проблеме эквивалентности разных – языковых, письменных, культурно-исторических – способов выражения одной и той же идеи [7, с. 262].

Это стимулировало и интерес к проблемам сравнительного литературоведения. Переписка Н.И. Конрада свидетельствует о том, что этой проблеме он уделял пристальное внимание.

В письмах к В.М. Алексееву и филологу В.М. Жирмунскому он сообщал, что работы по сравнительному литературоведению наиболее близки ему по теме: «на опыте своей работы по японской и китайской литературе убедился не только в возможности, но и прямой необходимости сравнительных штудий». При этом сравнительные этюды, считал ученый, важны «даже не для целей сравнительного литературоведения, а именно для истории национальной литературы» [2, с. 299].

В то же время, по мнению Н.И. Конрада, ученый в своей научной работе не может и не должен замыкаться только в рамках узко национального, будь то проблемы литературы или истории. Он должен осознавать подлинную общность народов, которая есть не только социологический вывод, но и конкретно – историческая, фактическая. Неудивительно, что именно Н.И. Конрад в 1945 г. наиболее активно отстаивал идею проведения МГИ-ВАН научной сессии по теме «Восток и античность» [2, с. 288].

Таким образом, можно констатировать, что организационная и научно-исследовательская деятельность Н.И. Конрада в 40 – е годы XX века оказала влияние на развитие советского востоковедения. Была создана новая академическая структура, способная эффективно консолидировать силы востоковедов и задавать тон научно-исследовательской работы.

Во многом усилиями Н.И. Конрада в востоковедении внедрялся комплексный подход к исследованию истории и культуры стран Востока. В нем сочетались достижения ленинградской (культурно-филологической) и московской (социально-экономической) школ востоковедения.

Его работы и выступления объективно способствовал росту интереса к изучению мировоззренческих структур, культуры и языка народов Дальнего Востока, а так же развитию компаративистских методов исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. АРАН. Ф. 1675. Оп. 1. Д. 102. Л. 47 об.
2. Конрад Н.И.. Неопубликованные работы. Письма. М.: РОССПЭН, 1996. 544 с.
3. Конрад Н.И. Синология. М.: Ладомир, 1995. 621 с.
4. Конрад Н.И. Предисловие к первому изданию «Китайской классической «Книги перемен» // Щуцкий Ю.К. Китайская классическая «Книга перемен». М.: Наука, 1993. с. 71-78
5. «Голос источников». К истории одной несостоявшейся публикации (Н. Конрад –Б. Вахтин) // In memoriam. Исторический сборник памяти Ф.Ф. Перченка. М. – СПб., 1995.

6. Алексеев В.М. Наука о Востоке. М.: Наука, 1982. 535 с.
 7. Иванов Вяч.Вс. Н.И. Конрад как интерпретатор текста // Исэ – моногатари. М., 1979. с. 260 – 286.
 8. Тамазишвили А.О. К столетию Н.И. Конрада // Япония 1991 – 1992. Ежегодник. М., 1994, с. 191 – 208.

Автор статьи:

Бадаев

Евгений Васильевич

- ассистент каф. новой, новейшей истории и международных отношений КемГУ

УДК 94(430).087

Е.А. Жаронкина

ГЕРМАНСКИЙ ВОПРОС В ПОЛИТИКЕ США В 1945 – 1947 ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ДИРЕКТИВЫ JCS 1067)

Политика США в Германии после окончания Второй мировой войны является неотъемлемой частью «германского вопроса» - одного из самых сложных международных вопросов второй половины XX века. В работах историков советского периода политике западных держав в послевоенной Германии давалась негативная оценка. В последние годы появился более взвешенный подход к действиям США в Германии, отмечается особая роль США в Берлинском кризисе 1948 года, в экономическом восстановлении Германии.

К настоящему времени в научный оборот введен значительный круг источников по истории послевоенной Германии и, в частности, ее оккупации. Но многие из них до сих пор не переведены на русский язык. К числу таких источников принадлежат многочисленные документы американской военной администрации в Германии.

Одним из важнейших программных документов, определившим основные политические и экономические принципы и цели американской оккупационной политики, стала директива, выпущенная Объединенным комитетом начальников штабов в мае 1945 года, более известная как JCS 1067 (Joint Chiefs of Staff). Этот документ начал разрабатываться по инициативе Ф.Д. Рузельта совместно в Государственном и Военном департаментах и Министерстве финансов еще в сентябре 1944 года [9, 28]. В конце апреля 1945 года, после многочисленных изменений, новому президенту США Г. Трумэну был представлен очередной (шестой) вариант директивы, однако лишь восьмая версия была им одобрена и подписана. 14 мая директива JSC 1067/8 была выпущена под грифом «совершенно секретно», а 21 мая доведена до сведения основного персонала американской оккупационной администрации [1, 17].

Этот документ преследовал двойную цель. С одной стороны, им должен был руководствоваться в своей деятельности главнокомандующий американскими оккупационными силами, губернатор американской оккупационной зоны генерал Д. Эйзенхауэр. С другой стороны, Эйзенхауэр как член Союзного Контрольного Совета (далее –

СКС) должен был впоследствии убедить Совет принять принципы этой директивы для осуществления на всей территории побежденной Германии [3, 76].

По мнению заместителя военного губернатора, а позже и военного губернатора Люсиуса Клея, публикация этой директивы в мае 1945 года «была бы преждевременна и совершенно неправильно истолкована» [2, 15]. Но уже в начале июня, после встречи четырех главнокомандующих в Берлине, Клей предложил опубликовать эту директиву. Тем не менее, в ожидании предстоящей конференции «Большой тройки» высшее руководство США не сочло нужным это сделать. Документ остался «совершенно секретным» и не был представлен американской стороной к совместному обсуждению на Потсдамской конференции. Только три месяца спустя, 17 октября 1945 года эта директива была официально обнародована [2, 98].

Необходимо обратить внимание на следующие моменты. Во-первых, этот документ был предназначен как руководство к действию только в течение начального послевоенного периода оккупации, а не как окончательный вариант американской политики в Германии (впоследствии он был заменен новой директивой Объединенного комитета начальников штабов JCS 1779, выпущенной в июле 1947 года). Во-вторых, основные положения и термины директивы (денацификация, демилитаризация, декартелизация, демократизация) вошли в заключительный документ Потсдамской конференции – Протокол [6, 427].

В соответствии с директивой JCS 1067, основной целью оккупационной политики объявлялось предотвращение повторения угрозы миру со стороны Германии. Германия оккупировалась как побежденная вражеская страна. Однако оговаривалось, что цель оккупации – не притеснение немцев, а реализация союзнических целей, позднее известных как политика «четырех Д» [3, 78].

Права, власть и статус военного правительства основывались на поражении и безоговорочной капитуляции Германии. Главнокомандующий американскими оккупационными войсками наде-